

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Книга о Георгии Иванове

Андрей Арьев написал книгу о Георгии Иванове¹. Книгу, обобщающую его труды по изучению жизни и творчества поэта. Свою первую монографию на эту тему он издал 15 лет назад в издательстве журнала «Звезда»². Долгие эти 15 лет даром не прошли: новая книга вышла более объемной во всех смыслах, в ней появились новые подробности личной жизни Г. И., его общения с коллегами, его поэтического становления. Многие документы, а также рукописи, бывшие в черновиках, увидели свет, стихи и письма были заново прочитаны и сверены по копиям, находящимся в различных зарубежных архивах, да и некоторые собственные первоначальные выводы подверглись небольшой коррекции, за что исследователю особая хвала!

Если говорить громко: получился «труд жизни». Об особой привязанности Андрея Арьева к личности и творчеству избранного поэта косвенно можно судить по тем прямо-таки поэтическим кускам авторской речи, встречающимся в книге. На ее полях я тут и там ставила пометку «Красота» — как Лев Толстой на полях рукописи Тютчева. Посудите сами, вот отрывок из текста:

Быть может, втайне от самого себя, но он пестовал очищающую сознание первопричину своего лиризма, звал ее: лермонтовскую, русскую, божественную тоску. Как ничто другое, она оправдывала и наполняла его поэтические видения эмигрантских лет «сияниями», развоплощающими «выспреннюю болтовню» стихотворцев и «развязную мазню» живописцев.

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор 18 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеневских конференций и конференций по связям русской и зарубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

¹ Арьев А. Был целый мир. Книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024.

² Арьев А. Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование. СПб.: Журнал «Звезда», 2009.

Или вот это: «Время поэзии прошло» — так мыслили русские поэты со времен Евгения Баратынского. И так они мыслят до сегодняшнего дня. Тем сладостнее Георгий Иванов, вполне разделяя это представление, утверждал наперекор веку и судьбе: кроме поэзии, ничего в мире не остается такого, ради чего в нем стоило бы «мыслить и страдать».

Это последнее высказывание стало одной из главных линий книги, а стихотворение Баратынского «Последний поэт» дало прекрасное обозначение для места Г. И. в истории русской литературы. Родившийся в 1894 году, на изломе XIX века, проживший 64 года и ушедший в 1958-м (пережив многих из тех, о ком рассказывает в своих художественных мемуарах «Петербургские зимы»), Георгий Иванов представляется потомкам эдаким затерявшимся во времени осколком Серебряного века, воистину его Последним поэтом.

В приведенных мною фрагментах книги Андрея Арьева есть отсылка еще к одному поэту уже позапрошлой эпохи — Лермонтову. И тоже очень значимое упоминание. Лермонтов, с его надмирным одиночеством, с прелестью звучащих стихов (чье значение бывает темно иль ничтожно), с его желанием «забыться и заснуть», чрезвычайно близкий, родственник Иванову поэт.

В самом начале своей книги исследователь сообщает, как однажды петербургской ночью в спальне 2-го кадетского корпуса «неизъяснимой красоты голос прочитал для него единственного (Георгия Иванова. — И. Ч.), для его внутреннего слуха „Выхожу один я на дорогу...“»

А в самом конце книги Арьев приводит стихотворение из «Дневника», посланное автором Нине Берберовой (1950). Приведу два последних двустишия:

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Прекрасная окольцовка сюжета жизни, как и книги об этой жизни.

Так что же нового внес исследователь в свою тему? Удивительно, но серьезно расширились наши знания о личной жизни поэта и его спутницы Ирины Одоевцевой. Оказалось, что ДО своего соединения и Он, и Она уже были в браке. Мало того, у Георгия Иванова в первом браке была дочь³, жившая во Франции и носившая его фамилию. В книге среди замечательной портретной галереи (а об оформлении и научном «снаряжении» арьевской монографии речь впереди) встретим фотографию его первой жены — француженки Габриэль Тернизьен и дочери Елены Ивановой. Фотография юной Габриэль прелестна. Брак продержался три года, с 1916-го (Георгию Иванову — 22) по 1919-й, в этом году Габриэль с маленькой Леночкой уезжают во Францию. Первый брак в общем мало отразился на последующей жизни нашего поэта. Фото дочери, Елены Ивановой, привлекает внимание. Ее внешность необычна: высокий открытый лоб, роскошные волосы до плеч, ироничный прищур глаз. Молодая женщина смотрит куда-то поверх нас и очень похожа на отца — его глаза, нос, губы, ироничный взгляд... Загадка: почему долгие годы, начиная с 1922 года, проживая в одной стране, дочь с отцом так и не встретились.

Добавились удивительные подробности и в теме брака Георгия Иванова и Ирины Одоевцевой.

³ Эти сведения никогда прежде не публиковались.

В течение жизни они несколько раз расходились (разводились?) и снова соединялись (заключали брак?) Арьев пишет, что Ирина Владимировна («маленькая поэтесса с большим бантом», как она сама себя аттестовала) имела черты Манон Леско. Соответственно, Георгий Иванов «усвоил себе в сюжете их жизни... роль кавалера де Грие. А может, и стал им». Судя по всему, так оно и было.

Влюбившись в молодости, пронес он это чувство до последних дней жизни, что вроде никак не вяжется с его образом. Арьев приводит обнаруженную в архиве характеристику 17-летнего недоучившегося кадета перед отчислением из корпуса: «Общее впечатление какого-то нравственного и физического калеки». А вот как характеризует Г. И. уже много позже, в Париже, Владислав Ходасевич: «Особенно опасайтесь Георгия Иванова... Он горд, вздорно обидчив, мстителен, а в своей ругани — убийственно зол».

Хочу слегка продолжить тему. «Злой» и «вздорно обидчивый», Иванов преображается, когда говорит об Одоевцевой. Ей он посвятил несколько лирических шедевров, среди которых стихотворение, написанное за четыре года до смерти, «Распыленный миллионом мельчайших частиц» (1954), заканчивающееся картиной из длящегося в сознании прошлого, чье повторение поэт прозревает в некоем призрачном сомнамбулическом будущем:

И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимаю.

По силе и красоте эти строчки напомнили мне фетовское «заклинание» о посмертном соединении с возлюбленной:

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя различить.

(1878)

В ивановском «Распаде атома» (1938) среди жутковатых картин разрушения и гибели мира и человека многожды повторяется ритмизованная, словно стихотворная строчка: «Синее платье, размолвка, зимний туманный день». А еще есть там рвущийся наружу возглас: «Смысл жизни? Бог? Нет, все то же: дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твое лицо».

Арьев приводит предсмертную записку Георгия Иванова, просящего об одном: «Позаботьтесь о моей жене, Ирине Одоевцевой. Тревога о ее будущем сводит меня с ума. Она была светом и счастьем моей жизни, и я ей бесконечно обязан». Но и Одоевцева, при всей схожести с Манон, «подозревала», по слову Арьева, в своем муже «что-то совсем особенное, не поддающееся определению, почти таинственное, что-то... от четвертого измерения».

Читатель, возможно, уловил в приведенных мною строчках из «Распада атома» некую переключку с Блоком. «Синее платье» может напомнить «синий плащ» из «О доблестях, о подвигах, о славе», а горький вскрик «дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твое лицо» — концовку блоковского «Перед судом»: «Страстная, безбожная, пустая/Незабвенная, прости меня!»

О близости к Блоку, становящаяся тем глубже и значимее, чем дальше ГИ удалялся от времени первого с ним знакомства, в арьевской монографии много. И начинается эта его связь с Блоком очень рано, с первого посещения, чуть ли не с 16 лет⁴.

В 17 «юнец» дарит Александру Александровичу — первому — свой дебютный сборник «Отплытие на о. Цитеру» — «с любовью, нежностью и благодарностью». В первой главе своей монографии, разбирая творчество Георгия Иванова до эмиграции, говоря об его участии в гумилевском «Цехе поэтов», провозгласившем отход от символизма во имя предметности и реальности, Андрей Арьев показывает, что ГИ при всем том, несмотря на огромное влияние на него Гумилева и его последователей, оставался в орбите Блока.

Признаюсь, читать первую главу книги, называющуюся «Закат над Петербургом (1894—1922)», совсем непросто. Здесь автор, как, впрочем, и во всей книге, обнаруживает свою бескрайнюю эрудицию и знакомство со всеми деталями вопроса, но это порой уводит нас в лабиринты литературоведческих штудий. В первой главе досконально и скрупулезно прослеживаются поэтические связи Георгия Иванова, чье вхождение в мир петербургской богемы 1910-х было на редкость быстрым и интенсивным, с представителями разных направлений и школ. Одновременно с Г. И. жили и творили Гумилев и Городецкий, Ахматова и Мандельштам — все они объединились под знаменем акмеизма. Рядом жил и работал Блок, чей условный символизм был явно шире и содержательнее провозглашаемых границ⁵. Начали свой путь футуристы: Маяковский, Бурлюк, Северянин. Свой путь был у Вячеслава Иванова, Федора Сологуба, Зинаиды Гиппиус, Владислава Ходасевича, с ревнивым беспокойством наблюдавшего за «поисками» Г. И., москвичей Марины Цветаевой и Пастернака.

И среди этого разнообразия поэтических школ, вер и голосов нужно было прокладывать свой путь, искать своего бога, обнаруживать свой голос. Молодой поэт как бы примеривается, накапливает опыт и выучку. Через отрицание и безнадёгу прорывается к свету⁶. Не единожды в книге прозвучит мысль, что Г. И. практически с отрочества был поэтом — поэтом по своей сути, никогда ничем другим не занимался и заниматься не хотел, да и не умел, даже в годы эмиграции, в период нужды и отчаяния...⁷

Горбоносый майоликовый Иванов, с подкрашенными губами, появившийся в компании еще одного Жоржика — Адамовича, бывшего на протяжении его жизни «заклятым другом» или, по определению Арьева, «изысканным другом и обходительным недругом», — один из его тогдашних ликов. Но уже в те ранние времена в его стихах, широко публиковавшихся в «Аполлоне», «Северных записках» и прочей петербургской периодике, собранных в нескольких авторских сборниках, изданных до отъезда за границу, уже проглядывало нечто, что исследователь определяет как «опрошение», с годами переросшее в «простоту», «за которой мерцала глубина».

Вторая глава книги называется «Парадиз над бездной (1922—1938)» и рассказывает о нашем поэте, уже совершившем прыжок в эмиграцию. С дурацким заданием — добыть репертуар для гостеатров — он отбывает в Германию, оттуда перебирается в Париж и на родину уже не возвращается. Все 36 лет эмиграции живет, не принимая французского гражданства, по нансеновскому паспорту для беженцев и дни свои

⁴ См. в «Биографической канве», ноябрь (1910). Знакомство с Блоком (может быть, позже).

⁵ Андрей Арьев пишет о КУЛЬТУРЕ ВСЕГО Серебряного века (а не отдельно о символизме, акмеизме и проч.), из которой вырастает и творчество Блока, и, без сомнения, Георгия Иванова.

⁶ Арьев говорит об апофатике Иванова — утверждении через отрицание.

⁷ «Единственное, что я могу делать, это стихи. Они сочиняются сами». Из статьи-комментария Андрея Арьева по поводу публикации письма Георгия Иванова к Т. Г. Терентьевой. См. Звезда, 2024, № 11.

окончит в пансионате для старых и больных апатридов в Йере (на юге Франции). При этом осознает себя как русский, как петербуржец и как поэт.

И тут уместно привести цитату из Владислава Ходасевича: «Г. Иванов умет писать стихи. Но поэтом он станет вряд ли. Разве только случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встряска, вроде большого и настоящего горя. Собственно, только и этого надо ему пожелать» (1916).

Как говорится, нагадал. И не только Иванову — также и себе, и своим многочисленным коллегам. Имею в виду «большую житейскую катастрофу». Катастрофа случилась. И была она вселенского масштаба, сломав и искорежив миллионы жизней, вытеснив за пределы России сотни тысяч, миллионы граждан⁸. Но относительно Иванова «пророчество» Ходасевича исполнилось в полной мере. Находясь вне России и бесконечно ощущая ее отсутствие, потеряв привычные жизненные ориентиры, он из поэта «без свойств» (термин А. Арьева) вырос в поэта трагического, его дарование в этих тягчайших обстоятельствах обнаружило свой истинный потенциал.

Хочется привести здесь одно стихотворение 1931 года. Арьев называет его «главным стихотворением Георгия Иванова». В его публикации соредактор «Современных записок» (М. В. Вишняк) отказал под предлогом, что «такого вызова» они печатать не могут, хотя и против монархии. Приведем его полностью.

Хорошо, что нет Царя,
Хорошо, что нет России,
Хорошо, что Бога нет... —

Только желтая заря
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо, что никого,
Хорошо, что ничего,
Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может
И чернее не бывает,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Можно увидеть в этом «стихе» воплощение двух черт поэзии Г. И., о которых читаем в исследовании, — ее апофатичность и простоту.

Сегодняшний читатель легко уловит в этом стихотворении «троллинг». Во времена Иванова этого слова не знали. Арьеву, сравнивавшему ивановский «стих» с греческой трагедией, «имеющей целью очищение и катарсис», кажется убедительным мнение тогдашнего критика и поэта Юрия Иваска: «Это празднование великой беды, в которой светится какой-то проблеск надежды»⁹.

Симптоматично, что Г. И. в своем отрицании воспользовался известным воинским девизом Российской империи «За веру, царя и отечество!». К этому же можно присо-

⁸ Общее количество эмигрантов из России на 1 ноября 1920 года, по подсчетам американского Красного Креста, составило 1 млн 194 тыс. человек. По данным Лиги Наций, по состоянию на август 1921 года в мире было более 1,4 млн беженцев из России. А на 1 ноября 1921 года американский Красный Крест оценивал русскую эмиграцию уже в 2 млн человек.

⁹ У Иваска этот апофатический прием назван словом «наобороты».

вокупить известную «уваровскую» формулу: «Самодержавие, православие и народность». Три «хорошо» поэта последовательно относятся ко всем трем частям «девиза» и «формулы»: «нет Царя», «нет России», «Бога нет». Можно сказать, что Г. И. впервые с октября 1917 года так четко и просто сформулировал суть происшедшего. В трех последующих катренах раскрывается трагическая начинка этого «хорошо». «Желтая заря», «Ледяные звезды», «Миллионы лет». Возникает эсхатологическая картина конца мироздания, перекликающаяся с похожей у Блока: «Миры летят. Года летят. Пустая Вселенная глядит в нас мраком глаз...»

Дальше — больше: (вокруг) никого и ничего, черно и мертво, да еще в самой высокой степени: «...мертвее быть не может и чернее не бывает». И вот он, финал: «Что никто нам не поможет/ И не надо помогать»¹⁰.

Почему не надо помогать? Да потому что все, что произошло, само по себе является катастрофой, сломом эпох, переворачиванием страницы... По миллионам «бывших» жителей России проехалось «колесо истории» — и каждый из них выбирался из-под обломков на свой лад. Кто-то погиб, кто-то стал калеккой, кто-то нашел возможность приспособиться...

Русские эмигранты в основном приспособились к «той жизни». Другое дело, что ощущение беды и безнадеги многих не оставляло. И выразителем этих настроений стал Георгий Иванов.

Еще одно стихотворение, в сущности, о том же. Оно из числа тех, которые можно назвать «главными» и «очень ивановскими» — «Невероятно до смешного» (1941). Андрей Арьев приводит его на задней обложке:

...Невероятно до смешного:
 Был целый мир — и нет его...

Вдруг — ни похода Ледяного,
 Ни капитана Иванова,
 Ну абсолютно ничего!

Сказано самое главное, сказано емко и кратко: «Был целый мир — и нет его». Маяковский в поэме «Хорошо!» (1927) писал: «Кругом тонула Россия Блока / Незнакомки... дымки севера / Шли на дно, как идут обломки / и жестянки консервов». Для Маяковского «старая Россия», «Россия Блока», олицетворялась в образах блоковских стихов. Георгий Иванов, в чьем роду были военные — и со стороны отца, и со стороны матери, а два брата служили в царской армии, — связывает образ России с военными событиями и именами. О чем говорит Георгий Иванов, что застряло у него в сознании из того времени, когда он жил в большевистской России и, естественно, «болел» за белых?

Легендарный Ледяной поход — первый поход Кубанской добровольческой армии Деникина (март 1918 года), в ходе которого формировалась Белая армия. Капитан Иванов (Иванов-Тринадцатый) — герой Русско-японской войны, воевавший затем в армии Деникина и в итоге принужденный вместе с ее остатками эвакуироваться в Турцию... Воспоминания о том и другом с уходом «старого мира» действительно исчезли; если окончательно не ушли из истории, то из людской памяти точно...

¹⁰ Андрей Арьев видит в этом стихотворении «отчаянное развитие» идеи тютчевского «Эти бедные селенья». «Именно к нему „Хорошо, что нет Царя...“ является горьким постскриптумом: ни земного царя не осталось, ни небесного...»

И снова типично ивановское заострение: «невероятно до смешного». При чем здесь смех? А при том, что случившуюся трагедию поэт, совершенно в своем духе, готов приравнять к комедии.

В монографии много об активной работе Георгия Иванова в предвоенное «парижское время», о котором позднее он вспомнит как о счастливом, он печатается в журналах, оказывая огромное влияние на поэтов «парижской ноты», огрызается на недружелюбные отзывы коллег (Ходасевич, Набоков), выходят его книги...

В довоенные годы издается проза Георгия Иванова. В первую очередь это «Петербургские зимы» (1928), Арьев пишет о них так: «Книга, ради правды вымысла то и дело приносящая в жертву правду факта, с живой непринужденностью передает дух литературной жизни Петербурга 1910—1920 годов».

Мой совет тем, кто еще не читал этих очерков, — прочитайте! Это блестящий и, как кажется на расстоянии, достоверный рассказ о тех, кого начинающий поэт знал, видел, с кем общался. Разумеется, не без отбора. Прежде всего это будут те, кого из современников Иванов, с его общепризнанным литературным вкусом и поэтическим чутьем, признает «лучшими»: Александр Блок, Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Анна Ахматова... Некоторые картины врезаются в память. Не могу забыть, как Иванов описывает работающего в кабинете Блока. Каждый час тот должен был выпивать стакан вина, иначе, видимо, работа не шла. Два слова в сторону. В прошлой монографии автор не касался темы «пьянства» Георгия Иванова, просил убрать из рецензии слова о «спивающемся» поэте. В новой работе эта тема не обойдена. Приводится цитата из письма самого Г. И. к С. А. Риттенбергу: «Я пьяница — не знаю, известно ли Вам это, пьяница давно, „всерьез и надолго“. От чрезмерного употребления спирта жизнь моя пришла в безобразное состояние. Но рассчитываю вылечиться».

Однако продолжу о «Петербургских зимах». Хорошо известно, что наряду с восхищенными отзывами о них были и отрицательные. Например, Анны Ахматовой, о которой Г. И. не написал в своей книге ни одного худого слова. Возможно, она обиделась на описание Мандельштама. Иванов встретил его в раннюю пору, в период «Камня» (1913), когда тот был «самым смешливым существом на свете». Ахматовой же хотелось другого, отсюда ее отзыв: «...мелко, пусто и несущественно».

Мне хочется присоединиться к отзыву из «Современных записок», приводимому Арьевым: «Независимо от случайных ошибок памяти и обмолвок, картина, данная в блестящей книге Г. В. Иванова, „исторически верна“...»

Еще одна проза, на этот раз не мемуарная, а отражающая современность, — «Распад атома» — книга издана в Париже перед войной, в 1938 году. Книга отрицания всех канонов и табу и прорыва к чему-то новому. Поразительно, как много параллелей нашел Арьев к этой «поэме в прозе» в западной литературе — французской, английской, американской, даже ирландской (Джойс), — что еще раз говорит о безбрежной эрудиции автора. Из всех приведенных имен выделю Льва Семеновича Выготского, чье определение трагедии с юности казалось мне наиболее точным и эстетически прозорливым. В какой-то степени оно может объяснить и смысл «Распада атома»: «...два развивающихся в ней (в трагедии. — И. Ч.) плана замыкаются в одной общей катастрофе, которая одновременно знаменует и вершину гибели и вершину торжества героя» (из «Психологии искусства»).

Третья часть монографии, названная «Если плещется где-то Нева (1939—1958)», посвящена самому драматичному времени в жизни Георгия Иванова и его супруги Ирины Одоевцевой.

Причем начинался этот период вполне благополучно. Приведем целиком первый абзац этой главы, который понадобится нам для последующего:

«Всю Вторую мировую войну Георгий Иванов с Ириной Одоевцевой провели в Биарицце (там у них была роскошная дача. — И. Ч.), ставшем с 1940 года оккупированной зоной. Явным репрессиям со стороны немцев не подвергались. Следовательно... Следовательно, им служили».

Как всегда у Арьева, этот вроде бы «окончательный» вывод подвергается сомнению. Приводятся различные доводы «за» и «против». При этом обнаруживается, что масса других русских писателей-эмигрантов, в частности Мережковский, Шмелев и др., или открыто приветствовали приход фашистов, или сотрудничали в фашиствующих печатных органах, чего у Г. И. и Одоевцевой не было. Однако нужно заметить, что и в этом вопросе позиция Арьева-исследователя слегка сдвинулась. Если прежде его убеждение в отсутствии коллаборационизма у четы Ивановых-Одоевцевых выглядело железобетонным, то сейчас оно поколебалось: Иванов, как и многие его соотечественники-эмигранты, надеялся на то, что с приходом Гитлера рухнет ненавистный сталинский режим.

После войны лишившимся всех доходов, дачи — сначала отобранной немцами, а потом разбомбленной американцами, — библиотеки, ценнейших писем и рукописей (Блока, Гумилева) Иванову и Одоевцевой ничего другого не оставалось, как жить в старческих домах на обеспечении государства, ждать «американских гонораров» (Г. И. последние семь лет жизни сотрудничает с нью-йоркским «Новым журналом») и кормиться за счет пожертвований «на бедность» богатых или сердобольных соотечественников...

При том, что за четой тянется шлейф коллаборационизма (было — не было?), любопытно, что после войны в Иванове, как и во многих тогдашних эмигрантах, разыграл «русский дух». Победа над Гитлером сделала советскую Россию как-то ближе и роднее.

Арьев приводит найденные в рукописях и впервые опубликованные незаконченные статьи Г. И. «о русской эмиграции во Франции» и «О русском народе». Первая говорит о «нечаянной радости» — встрече с Россией (которую так трудно отделить от ненавистного С.С.С. Р¹¹.), вторая содержит такое утверждение: «Но перед нацией, такого напора и жизненной силы — есть только одна возможность — жизнь». Партийное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года поэта отрезвило и вернуло к прежнему взгляду на страну и народ, находящихся под властью Сталина и его подручных.

В это тяжелейшее для поэта время, время, когда все силы уходили на «выживание», появляется поразительный сборник. Я бы сравнила его с ахматовской «Лебединой стаей» — по красоте и емкости каждого стихотворения. Говорю о «Портрете без сходства» (1950). Соглашусь с Арьевым, что это «высшее достижение ивановского лиризма». Вот из него первое стихотворение, начало которого дало название третьей главе:

Что-то сбудется; что-то не сбудется;
Перемелется все, позабудется.

Но останется эта вот, рыжая,
У заборной калитки трава.

Если плещется где-то Нева
Если к ней долетают слова —
Это вам говорю из Парижа я
То, что сам понимаю едва.

¹¹ Так в подлиннике.

Мне кажется, что такие стихи, которые появляются так просто, «как растет трава», вот так, из ничего, — это и есть тот спасительный Дар, который Господь припас для поэта. Нева упомянута здесь не случайно. Георгий Иванов все эти долгие годы, живя на берегах Сены, нес в душе и эту Неву, и Петербург, и тех поэтов, которых встретил и полюбил в юности... Тому свидетельство стихи этого сборника.

Не касаюсь здесь истории с убийством на Почтамтской, 20, о которой в монографии Арьева сказано совсем мало, он называет ее «кровавым наветом», по аналогии с обвинением евреев в использовании крови христианских младенцев в пасхальной маце. Этой, как кажется, сфабрикованной истории Арьев посвятил специальную статью¹².

Осталось сказать, что книги, изданной с такой академической полнотой и полиграфической щедростью, я давно не держала в руках. Строго оформленный переплет, прекрасная бумага, четкий, хорошо читаемый шрифт, замечательно подобранный иллюстративный материал: фотографии, афиши, автографы и автошаржи, факсимильное воспроизведение страниц рукописей. В приложении «Биографическая канва» — с нее, кстати, я начала чтение книги — очень увлекательно. Краткая библиография, включающая как книги самого Георгия Иванова, так и книги о нем. Список иллюстраций и именной указатель.

Поздравляю автора и нас, читателей, с появлением этого замечательного труда!

---

¹² Арьев А. Когда замрут отчаянье и злоба // Звезда. 2008. № 8.